

АВТО (1992–1996 ГОДЫ)

Первыми автомобилями, которыми мы обзавелись, были четыре «Москвича-2141».

Мы купили их сразу, все вместе, вчетвером, весной 92-го. Поехали на единственный тогда официальный рынок — большую площадку завода АЗЛК, — взяли с собой толстые пачки денег и там за наличные их купили.

Все — одинакового серого цвета.

И на этих четырех тачках мы подкатили к общаге в Жуковском, где тогда еще обитали, тем самым вызвав всеобщий фурор среди студентов и преподавателей.

Четыре новеньких «Москвича» на заднем дворе общежития были не просто автомобилями — они воспринимались как знак, как невероятный и абсолютно тогда непонятный феномен!

Тот же эффект мой новый «Москвич» произвел у подъезда тещино дома в Коломне и на даче, куда мы с женой и сыном отправились на выходные.

Фурор и непонимание — это мало сказать!

Чем вообще был автомобиль для советского человека в то время?

Личные машины встречались редко и воспринимались как знак достатка и, безусловно, возраста!

В двадцать пять лет в СССР невозможно было купить автомобиль. За ним нужно было отстоять очередь, которая порой тянулась годами. Занять место в ней получалось где-то после сорока — только тогда у тебя могли уже появиться соответствующие деньги.

Да и накопить на машину было очень трудно. Чаще всего, когда очередь подходила, человек собирал нужную сумму в долг по друзьям и знакомым, а потом годами расплачивался.

В общем, иметь автомобиль однозначно считалось верхом престижа!

Вот почему столько непонимания в дачном кооперативе вызвал новый «Москвич», стоящий у домика одинокой инженерши Коломенского КБ, у которой была только дочь-студентка с молодым мужем-аспирантом.

— А как он ее купил? Что, вот так подошел и отдал за нее сумку денег? — спрашивали недоуменно соседи.

— Да, пришел и заплатил! Наличными! — гордо отвечала теща, сама абсолютно не понимая, как такое могло получиться.

«Москвич-2141» часто выходил из строя. В нем все тряслось и барахлило, хотя я этого и не замечал. Тогда считалось, что, если автомобиль ломается, это нормально.

Я ремонтировал его сам. У него то садился аккумулятор, то по дороге на работу начинал дымиться радиатор, рвались какие-то тросы, лопались покрышки, случались мелкие аварии и т. п.

Года через два-три я подарил этот «Москвич» своему шоферу.

Как только появилась новая модель «жигулей», знаменитая тогда «девятка», я тут же ее купил. В этом автомобиле уже ничего не тряслось, но катался я на нем недолго. Деньги тогда зарабатывались быстро, и уже

через полгода я сменил красную «девятку» на свою первую иномарку.

Этой крутой иностранной тачкой была «Хонда Сивик» ярко-синего цвета. Небольшая, но имевшая острые формы, она казалась тогда почти спортивным болидом.

Впрочем, и на этой крутой тачке я поездил недолго, поскольку мне тогда уже полагалось авто с водителем.

«Хонда» прожила у нас долго, и постепенно ее хозяйкой стала теща — которой в свои пятьдесят пять пришлось учиться водить машину и сдавать экзамены на права. Без автомобиля она уже не справилась бы с ритмом жизни нашей семьи.

Где-то в это же время всей командой мы решили обзавестись внедорожниками, а так как мы старались выдерживать какое-то равенство, у нас появилось... шесть «Паджеро».

Это были семейные автомобили, и с того времени в команде стал выработываться общий стиль. В будние дни каждый ездил на автомобиле с водителем, в выходные — садился сам за руль внедорожника.

Эта «Паджеро» была многострадальной машиной: два раза в ней ночью били стекла и вытаскивали приемник, когда я оставлял ее у квартиры под окном, и в результате — с того же самого места у квартиры на Кутузовском — ее и украли.

Как только мы решили, что мне полагается водитель — а за «этикетом» у нас следил Андрюха, — мы купили «Мерседес 300», это была уже банковская машина. Я пересел с переднего водительского места на заднее, пассажирское. Вскоре на втором переднем сиденье устроился мой первый охранник Славик. Так троим мы и ездили всюду — до июля 1996-го, когда случился крах банка, — менялись лишь марки «мерседесов».

P.S.

Потом у меня было еще много разных машин. Но именно эти автомобили до сих пор почему-то числятся за мной в коломенском ГИБДД. И мне периодически начисляют по ним какие-то налоги и штрафы, хотя все эти авто давно уже ушли в металлолом...

«Я — СИЛЬВЕСТР» (1993 ГОД)

В 1993 году я все еще сидел в нашем офисе на Большой Тульской. Кабинет, секретарь, коридор и стол охранника перед входом — вот что можно было увидеть, если направляться от моего рабочего места на улицу, — и обратно, если идти ко мне.

Незадолго до этого случая Козырева назначила к нам в московский филиал нового завхоза — и одновременно руководителя службы безопасности — Юрия Евгеньевича. Его ей рекомендовал какой-то тверской безопасник, из «бывших» (то есть из кагэбэшников).

Юрий Евгеньевич как-то налаживал наше хозяйство, следил за покупкой столов и стульев, ну и присматривал за охранниками у нас и в офисах московских отделений. Работа была не хлопотная, проблем у нас не случалось, поэтому мы с ним особо и не пересекались.

Но однажды...

Сиюю я как-то в своем кабинете один. И вдруг безо всяких звонков и предупреждений секретаря — я лишь услышал какой-то небольшой шум в приемной — в кабинет ввалились человек пять реальных жлобов! Без моего приглашения они расселись на диване.

За ними вошел неприметный мужчина среднего возраста, щуплый на вид. Взял стул, стоявший у стены, и расположился прямо передо мной. Я не успел даже понять, что происходит.

Они не кричали, ничего не требовали, вообще никто ничего не говорил. Все происходило в абсолютной тишине и спокойствии. Я сидел за своим рабочим столом, глядя то на здоровенных ребят на диване у стены, то на мужичка.

В проеме двери показалось испуганное лицо нашего охранника. Он пожимал плечами: мол, ничего не мог поделать, я один, а их вон сколько. Рядом с ним виднелось растерянное, испуганное лицо секретарши.

— Я — Сильвестр, — представился мужичок и протянул мне руку.

— Сергей Васильев, — ответил я, и мы поздоровались.

Скажу откровенно, в тот момент я ничего еще не понимал. Я не понимал: кто ко мне пришел, что это за люди? То есть я представлял собой абсолютного болвана, не знакомого с миром «блатных», людей в законе и вообще — с бандитами. Я вообще ничего про них не знал! Наверное, именно это мне и помогло.

Сильвестр еще какое-то время смотрел на меня с некоторым сомнением и подозрением, пока с сожалением для себя не понял, что перед ним полный профан! Серьезных людей я не знал. А я действительно в тот момент вообще ничего не слышал ни про Сильвестра, ни про серьезных московских людей в законе.

Тем не менее Сильвестр начал разговор.

Он спросил про наше новое отделение, которое мы открыли неделей раньше на Ленинградском шоссе рядом с гостиницей «Советская», и поинтересовался, знаю ли я, что это их территория?

Я подтвердил, что мы только открылись, взяли помещение в аренду у какого-то бывшего магазина, и сказал, что ничего не знаю про то, чья это территория.

Сильвестр засомневался в моих словах. По его информации, мы находились под «кавказской крышей». Он сказал это жестко и твердо:

— На нашей территории не может быть никаких кавказцев!

Я стал уверять его, что ни с какими кавказцами у нас дел нет.

— А с кем есть? — спросил он.

Я промямлил что-то про то, что мы всего лишь филиал, что у нас всё решают в Твери.

— Кто решает? — спросил Сильвестр.

Я опять замялся, сказал, что точно не знаю, но, насколько мне известно, у нас в Твери все решает ФСБ или какие-то люди, связанные с ФСБ.

Сильвестр сделал вид, что услышал меня, но всерьез эту информацию не принял.

К тому моменту я уже примерно начал понимать, с кем имею дело, и, честно говоря, сильно перепугался.

Сильвестр стал меня спрашивать, есть ли у нас проблемы с бизнесом, нужно ли как-нибудь поспособствовать и чем он мог бы нам помочь.

Надо было что-то придумывать, и я стал вспоминать про какие-то не очень серьезные проекты и сложности с ними. В частности, я сказал, что вот, мол, есть один кинотеатр в центре, нам его хотят отдать под банк, но вроде бы мешают как раз кавказцы.

Сильвестр обрадовался, заявил, что поможет. Сказал, чтоб я ему позвонил, и протянул мне визитку, а я ему в ответ передал свою.

На том и договорились, еще раз пожали друг другу руки — и они вышли.

Только когда они все покинули помещение, я по-настоящему перепугался!

Сразу вспомнились американские фильмы про гангстеров, про то, что, один раз задолжав бандита, потом платишь им всю жизнь, и т. п.

Я начал лихорадочно всем звонить: Козыревой в Тверь, друзьям, нашему безопаснику Юрию Евгеньевичу.

С этого дня у меня появился личный охранник — атлетичный, brutальный парень по имени Славик, прямо главный герой фильма «Телохранитель». Он очень быстро вошел в роль, одно время даже, не рассказывая мне, спал тайком на крыше московского дома, где была наша квартира, — изучал возможные точки прострела.

И вообще с того дня мы сильно улучшили охрану всего и вся в банке.

А Юрий Евгеньевич сказал мне, что постарается встретиться с Сильвестром и снять все вопросы, мол, у него есть старые связи в ФСБ, там помогут.

Я не очень в это поверил и принял его слова за «отмазки». Но через какое-то время Юрий Евгеньевич сказал мне, что встреча состоялась и что больше у Сильвестра ко мне и к банку претензий нет. Я опять не очень поверил ему, я вообще не слишком верю словам сотрудников спецслужб, даже бывших.

Но все-таки мне стало чуть спокойнее.

Сильвестру я так и не позвонил, и он мне тоже, хотя его визитка лежала у меня. В офисе уже была двойная линия охраны, рядом со мной почти круглосуточно находился личный телохранитель.

И постепенно волнение ушло.

P.S.

Где-то через год все столичные газеты вышли с заголовком: «В Москве убили Сильвестра!» В центре города в своем бронированном «мерседесе» был взорван самый влиятельный российский вор в законе.

А потом по газетам стал ходить список тех, кого «крышевал» Сильвестр со своей группировкой. По нашей информации, этот список милиция составила

на основе визиток, обнаруженных в «бардачке» того бронированного «мерседеса». Была там и моя визитка Тверьуниверсалбанка.

Сразу после нашего краха Юрий Евгеньевич вернулся в органы и быстро дослужился до погон генерал-полковника и должности... заместителя директора ФСБ России — руководителя департамента экономической безопасности. Через пять лет именно его департамент закрывал группу «Мост» Владимира Гусинского, забирая под государственное крыло телеканал НТВ.

АМЕРИКА (1993 ГОД)

Летом 1993-го в Москве было решено отобрать молодых сотрудников новых коммерческих банков, чтобы отправить в США на краткосрочную учебу.

Это был Российско-американский банковский форум. Чтобы попасть туда, достаточно было сдать экзамен по английскому языку. Нас прошло около ста человек со всей России.

От типовых банковских курсов сегодняшнего дня те, первые, отличались тем, что их готовил лично Джеральд Корриган, председатель Федерального резервного банка Нью-Йорка, — он сам все организовывал, сам читал лекции.

Для меня это был первый выезд за границу (не считая лета, проведенного в стройотряде в Болгарии). И когда я попал в Америку, в Нью-Йорк, на Манхэттен — у меня сразу закружилась голова.

В первый месяц учебы нас расположили в корпусах престижного Фэрфилдского университета. Стояло лето, студенты были на каникулах, и университет со всеми своими «фасилитис» оказался в нашем распоряжении.

С полями для гольфа и теннисными кортами, бассейнами и фитнес-клубом. Огромные лекционные залы.

Один коттедж на четверых банкиров-студентов, с отдельной кухней и большой общий студенческий ресторан, рядом с католической университетской церковью.

Для меня самого, вчерашнего советского студента, еще два года назад жившего в общежитии, с комнатой в 10 квадратных метров, — это было как в кино. Как в американском кино.

Джерри Корриган лично подготовил учебную программу, чтобы за месяц преподавать нам основы банковского дела и одновременно показать цвет банковской Америки.

В один из уикендов он повез всю нашу делегацию к Дэвиду Рокфеллеру в его огромное поместье под Нью-Йорком, с замком, китайскими садами, конюшней, огромным парком ретро-автомобилей и большим полем для гольфа. Посол России в США на том приеме с юмором тогда сказал: «Мы хотели вам, молодым советским банкирам, показать, как живут... простые американцы!»

Дэвид Рокфеллер был уже довольно стар и слаб, но еще достаточно бодр, чтобы учить всех азам гольфа. Он не поленился каждому из нас показать по одному удару. А в конце приема он стал раздавать всем автографы. Визитки своей я тогда не взял и потому подsunул ему стодолларовую банкноту. Он посмотрел на нее и сказал, что это очень большие деньги и что он не готов их испортить своей подписью. Мы посмеялись, но я его все-таки упрямил.

Ту стодолларовую купюру я возил с собой несколько лет как талисман.

После месяца «учебы» Корриган разослал нас по разным штатам США, по разным городам и банкам Америки. Это было реальное и полное погружение в жизнь настоящей Америки, в ее финансовый мир! Кого-то отправили в штат Огайо, кого-то в Оклахому, Техас, Неваду, Массачусетс, во Флориду и Небраску.

Я попал в самый центр — в Нью-Йорк, на Манхэттен, в Chemical Bank.

Это все трудно сейчас представить, трудно понять реальную мотивацию американского банковского истеблишмента того времени.

Зачем им это было нужно? Зачем они так возились с молодыми русскими банкирами?

Наверное, в тот момент не только мы сами были очарованы Америкой, но и она была очарована новой Россией. Старая Америка хотела понравиться молодой России и делала тогда для этого все.

Chemical Bank выделил мне отдельную квартиру на Манхэттене и рабочее место в кредитном департаменте. Президент банка пообедал со мной на собственном этаже небоскреба, познакомил там со всеми руководителями, и каждый отдел стал погружать меня в свою работу: как сотрудники общаются с клиентами, как изучают залоговые бумаги, как взаимодействуют с адвокатами, как торгуют ценными бумагами.

Но, кроме собственно работы в банке, Корриган решил, что нужно пойти еще дальше — и поселить нас в семье реальных американских банкиров, чтобы мы увидели, как они живут.

Так я попал в дом Алекса Родзянко.

Он был не только американцем по происхождению и банкиром по образованию, но еще и потомком последнего председателя Государственной думы царской России.

Алекс в тот момент возглавлял в Chemical Bank один из отделов по торговле долгами развивающихся стран, а дома у него была большая семья — шестеро детей. «Отче наш» перед ужином, воскресные службы в православной церкви, где Алекс с детьми пели в хоре! Каждое утро мы с Алексом выезжали к электричке и направлялись в центр Манхэттена на работу, а по выходным была русская церковь, экскурсии на кладбище белой эмиграции, пикники с князьями Голицыными и православными священниками.

А уже где-то в конце этой американской учебы один из заместителей Алекса по отделу долгов предложил мне... облететь Нью-Йорк. Он был пилотом-любителем и управлял небольшим самолетом. Так что в одно летнее воскресенье мы полетели с ним к статуе Свободы.

Вдвоем в кабине двухместного самолета — над Манхэттеном, над всеми этими билдингами и небоскребами!

Где-то над Гудзоном он сказал мне: держи штурвал. И отпустил. Это были невероятные минуты!

Вернувшись в нашу маленькую и низкую Москву — а именно такой она мне тогда показалась после месяца жизни среди огромных небоскребов, — я, конечно, был окрылен увиденным.

Мне хотелось перевернуть мир!

P.S.

Через несколько лет я прилетел в очередной раз в Нью-Йорк. Было очень рано, около пяти утра. Негр-таксист привез меня к отелю из аэропорта, и я вдруг понял, что у меня нет наличных, чтобы с ним расплатиться. Банковская карточка почему-то не работала, а в портмоне лежала только та стодолларовая купюра с автографом Рокфеллера. И чертыхаясь, я отдал эти заветные сто баксов ничего не понимающему таксисту.

«ПЕРЕВОДИМ ДЕНЬГИ ИЗ ВЭБА!» (1993 ГОД)

Тверьуниверсалбанк и Сбербанк будут сами снимать деньги своих клиентов со счетов во Внешэкономбанке. Московский банк Сбербанка России и Тверьуниверсалбанк приступают к переводу валютных средств частных лиц со счетов Внешэкономбанка на свои счета (на начало 1993 года валютные средства на счетах в ВЭБ оценивались в 300 миллионов долларов). Раньше держателям валюты во Внешэкономбанке приходилось довольно много времени тратить в очереди, чтобы сдать в ВЭБ заявления о переводе средств на счет в другом банке (до сих пор другим банком был только Сбербанк). Теперь достаточно направить соответствующее заявление в одно из 40 отделений московского Сбербанка или посетить специальный пункт Тверьуниверсалбанка.

**«КоммерсантЪ-Власть»,
4 октября 1993 года¹**

Проезжая по Садовому мимо Курского вокзала, я увидел огромную толпу народа у входа в отделение Внешэкономбанка — в том самом месте, где меня года за три до этого «кинул» спекулянт-кавказец.

Я попросил водителя остановиться и поинтересовался: что за толпа? За чем стоит? Выяснилось, что это очередь людей, которые хотят вывести свои деньги из ВЭБа.

¹ Полный текст статьи см. в приложении, с. 271.

Так родился наш очередной проект.

Еще в 1992 году Ельцин издал указ о фактической «разморозке» счетов граждан РФ во Внешэкономбанке. Согласно документу, все вкладчики ВЭБа могли снять деньги наличными со счета или перевести их в любой другой коммерческий банк.

Вкладчики — а их было более 100 тысяч человек — по старинке стали выстраиваться в очереди, один за другим. Ожидание могло тянуться несколько недель. Но даже когда очередь подходила, получение денег занимало еще несколько месяцев. Это было следствием нерасторопности старого советского банка, помноженной на бюрократию.

Нам пришла простая и изящная идея: ускорить всем этим людям процесс оформления!

Указ Ельцина — вернее, его строка «или перевести в любой другой коммерческий банк» — нам это позволял. Нам нужно было только открыть во Внешэкономбанке корреспондентский счет и наладить передачу в ВЭБ платежей-поручений от его клиентов на перевод денег к нам в Тверьуниверсалбанк.

Если бы замысел удался, то заодно мы получили бы сразу много новых солидных клиентов и валютные депозиты в придачу.

То есть, по сути, мы могли вообще ничего не делать — люди из очередей сами побежали бы к нам!

Нужно было только не «спугнуть» ВЭБ и открыть такой корреспондентский счет, чтобы мы могли передавать в этот банк не только наши поручения на списание, но и поручения клиентов самого Внешэкономбанка на зачисления их денег к нам.

Как только мы начали оформлять такой договор, во Внешэкономбанке сразу что-то заподозрили, и мне пришлось ехать на переговоры к его президенту.

— Зачем вам это нужно? — спросил он. — Вы хотите переманить таким образом наших клиентов к себе?

— Но ведь они все равно уйдут, вы же видите, они стоят в очередях и ждут, чтобы снять свои деньги со счетов, — ответил я ему.

Мы какое-то время препирались.

Я доказывал юридическую чистоту процедуры с точки зрения закона и указа Ельцина. Президенту ВЭБа все это не нравилось, но счет нам он таки открыл.

Теперь мы могли собирать поручения клиентов на вывод их средств из Внешэкономбанка, чтобы потом просто отнести скопом в тот же ВЭБ, но только в другое окно, где работали не с физлицами, а с банками и где очереди не было вообще.

Оставалось лишь рассказать обо всем этом вкладчикам ВЭБа. И мы начали одну из самых громких наших рекламных кампаний.

Уже через неделю весь центр Москвы был заполнен растяжками: «Перевод денег из Внешэкономбанка», «Новогодний подарок от Тверьуниверсалбанка — переводим ваши деньги из Внешэкономбанка!» (дело было как раз под Новый год).

P.S.

В результате той кампании более трех тысяч человек перевели из ВЭБа к нам свои счета на сумму в несколько десятков миллионов долларов — по тем временам это были огромные деньги!

Мы прорекламировали все наши московские отделения и стали быстро набирать простых вкладчиков «с улицы».

И к концу 1996 года, то есть к моменту своего краха, по количеству частных вкладчиков Тверьуниверсалбанк входил в десятку самых больших банков в стране.

Это было наше преимущество, но это же стало потом и основной проблемой...

ПРЕМЬЕР СССР (1994 ГОД)

Николай Рыжков избран руководителем Тверь-универсалбанка

В течение двух ближайших лет бывший премьер-министр СССР Николай Рыжков будет возглавлять совет директоров Тверьуниверсалбанка. На этот пост его избрало в Твери собрание акционеров одного из крупнейших коммерческих банков России, в котором бывший советский премьер занимал ранее должность советника. Как сообщил Рыжков в интервью по телефону корреспонденту РИА, в его обязанности входит разработка главных направлений финансовой политики развития банка. Коснувшись нынешних проблем российской экономики, он назвал в качестве основной задачи укрепление власти.

*РИА «Новости»,
17 марта 1994 года¹*

Ранней весной 1994-го мне позвонила Козырева и спросила, что я скажу, если к нам на работу выйдет Николай Иванович Рыжков, последний председатель Совмина СССР?

Я ответил: «Это круто!»

Он, конечно, был из старых коммунистов, совсем недавно проиграл на выборах Ельцину и вообще находился в опале, но ведь он был еще недавно Председателем Совета Министров СССР!

В общем, она сказала, что Николай Иванович сейчас сидит без дела на даче и готов помогать банку.

¹ Полный текст статьи см. в приложении, с. 275.

От нас нужно дать ему офис в центре, автомобиль с водителем, зарплату и видную должность.

— Я предложила ему стать председателем совета директоров, он согласился, — сказала Козырева. Председателя совета директоров мы как раз должны были избирать на общем собрании акционеров банка в Твери. — Поэтому, Сергей Анатольевич, подумайте, чем занять и загрузить Николая Ивановича, и подготовьте ему офис в центре. А на следующей неделе заедете утром к нему на дачу и привезете его к нам на собрание акционеров. Познакомитесь с ним — и заодно расскажете ему по дороге о нас и о том, чего мы ждем от него.

И вот на следующей неделе я приехал рано утром в старый совминовский поселок на Рублевке. В основном лесу стоял старый, большой деревянный дом. Николай Иванович уже был в костюме и ждал.

Он пригласил меня зайти, мы поздоровались. Николай Иванович познакомил меня со своей женой, и мы сели пить чай.

Мы были втроем — он, я и его жена.

Я очень волновался в тот момент, ведь я был в доме председателя Совета министров СССР.

Но я увидел тогда, что очень волновалась и жена Николая Ивановича. Вообще сразу было видно, что они очень любят и поддерживают друг друга. Потом, чуть позже я хорошо понял причину этого волнения.

Все-таки для Николая Ивановича пойти работать в какой-то региональный банк, пусть и председателем совета директоров, было большим падением с тех высот, которых он когда-то достигал. Она очень волновалась, что его там чем-то обидят, не станут уважать, что это все окажется для него как-то трудно и унижительно.

Мы выпили чаю и встали, чтобы идти к машине.

Мы пошли вместе с ним, жена осталась сидеть. Он дошел со мной до двери, но затем остановился и вернулся.

Они обнялись так, будто Николай Иванович отправлялся чуть ли не на войну, после чего мы вышли, сели в автомобиль и поехали в Тверь.

Я что-то рассказывал ему про наши грандиозные планы, про то, что мы хотим открывать филиалы по всей стране, что начали разрабатывать большую вексельную программу для решения проблемы неплатежей. А еще я говорил, что мы очень уважаем Николая Ивановича и надеемся на него. В общем, я старался вселить в него веру, что мы не какая-то мелкая контора, что у нас грандиозные планы, достойные его великого прошлого.

Так, разговаривая, мы ехали в Тверь. Я узнал, что Николай Иванович, как и я сам, родом с Донбасса. Он рассказывал мне какие-то свои истории, а я — свои.

И, конечно, я был на седьмом небе от гордости. Я, вчерашний студент (мне тогда исполнилось двадцать восемь), сидел в одном автомобиле и разговаривал с председателем Совета министров СССР! Пусть и бывшим.

Так мы доехали до Твери.

Собрание акционеров тогда проводилось в Тверском драматическом театре. Акционеров банка было более тысячи, и они любили ходить на такие мероприятия.

Это были в основном какие-то пенсионеры и городские интеллигенты. Акции у них имелось ровно по одной на каждого, но все они относились к происходящему как к какому-то собранию времен перестройки, где нужно что-то обсуждать и спорить. На входе, как во время выборов, всем раздавали бутерброды, играла музыка.

Зал был полон!

Я сам тогда в первый раз присутствовал на таком собрании. Происходящее казалось мне очень

забавным. Я уже понимал, что у всего зала акционеров суммарно не более 5% акций, но это были реальные люди, жители Твери, в основном обменявшие свои приватизационные ваучеры на акции Тверьуниверсалбанка или купившие их в нашей кассе и потому относившиеся к своим вложениям очень серьезно, как-то по-настоящему, по-советски.

Действо было чем-то средним между партийно-профсоюзным собранием трудового коллектива, перестроечным диспутом и выборами народных депутатов СССР.

Когда мы зашли в зал вместе с Рыжковым, которого, конечно, все сразу узнали в лицо, началось всеобщее шушуканье.

Козырева начала собрание, отчиталась о работе банка — о прибылях, о наших великих планах, — после чего предложила перейти к голосованию по составу совета директоров и включить в него Николая Рыжкова — зал взорвался аплодисментами! — а также других кандидатов, в том числе меня.

Вдруг в зале поднялась какая-то пенсионерка и попросила, чтобы перед голосованием все кандидаты вышли на трибуну и рассказали о себе и о своих планах относительно работы в банке.

Козырева хотела это как-то замять, но зал загудел, люди требовали того же.

И тогда Рыжков сам встал с кресла и пошел к трибуне.

Его речь была о том, что ельцинское правительство разваливает хозяйство, что у предприятий нет денег для расчетов, что беднеют учителя и военные. Весь зал ему кивал и поддерживал его! Это была речь вчерашнего кандидата в президенты России от компартии, но всем понравилось. Рыжков сказал, что собирается всеми силами помогать работе банка и что вместе мы сделаем его сильнее и богаче.

Потом дошла очередь и до меня.

К тому времени московский филиал ТУБа уже был основным филиалом банка, о чем говорила и Козырева, и все в зале это понимали. Потому зал встретил меня хорошо, но все равно с подозрением — тверские всегда относились к москвичам с некоторым недоверием.

Я не стал говорить о планах, о них все сказала Козырева. Я просто сказал: «Два года назад я закончил Московский физико-технический институт, женат, имею троих сыновей».

И зал взорвался аплодисментами!

По крайней мере, мне тогда самому показалось, что хлопали даже громче, чем бывшему председателю Совета министров СССР!

P.S.

Николай Иванович не раз устраивал мне важные встречи со своими бывшими министрами, которые в то время работали директорами каких-то заводов или компаний. Я периодически заезжал к нему «на коньячок», обсудить планы и дела.

Он договорился с академиком Абалкиным, чтобы тот написал специальную рецензию-рекомендацию на нашу вексельную программу, которую мы к тому времени стали активно раскручивать. Ее так и называли: «Поддержанная Институтом народного хозяйства академика Абалкина вексельная программа».

Но через год, когда Рыжков в очередной раз засветился на телевидении рядом с Зюгановым на съезде компартии, Козырева попросила Николая Ивановича окончательно определиться: банк или политика?

И он, не раздумывая, сразу передал свое заявление об уходе с поста председателя совета директоров Тверьюниверсалбанка.